

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ ПАНЬКИН

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДИФфуЗИЯ

Само понятие „межнациональное общение“ в структуре общественных отношений, характерных для советского многонационального общества, выступает как социолингвистическая категория. Межнациональное общение — необходимое условие укрепления и развития прочного экономического союза советских республик, осуществления экономических, политических, социально-бытовых, культурных и других связей между нациями и народностями страны. Эти связи принимают характер интенсивного взаимодействия и обуславливают интенсивность межнационального общения.

Интенсивность межнационального общения и сопровождающие ее процессы интернационализации зримы сегодня во всех областях жизни советских людей — производственной, общественно-политической, научной, художественной, физкультурно-спортивной, туристической и т. д. Интенсивность межнационального общения, в какой бы области оно ни осуществлялось, выражается прежде всего в уплотнении непосредственных языковых контактов между языком межнационального общения — русским и языками национальными. Но человеческое общение как таковое и, разумеется, общение межнациональное, в конечном счете осуществляется через личные (вернее, личностные) отношения людей, связанных непосредственными контактами. В случае межнационального акта речевой коммуникации, на каком бы языке оно ни осуществлялось, перед нами два человека разной национальности, с различными, если так можно выразиться, специфическими чертами национального характера, носители разных языков, психологий, культур, традиций и т. д. Интернационализация советского образа жизни отнюдь не предполагает исчезновения национально-специфического. В свете учения В. И. Ленина, интернациональное не есть безнациональное. Советские философы и социологи отмечают, что „интернационализация не только не ведет к нивелировке всех атрибутов национального, к ликвидации исторически сложившихся форм жизнедеятельности того или иного народа, его прогрессивных обычаев и традиций, но, напротив, раскрепощает все потенции нации, создает необходимые условия для всестороннего проявления национального“ (см.: Интернациональное и национальное в социалистическом образе жизни советского народа 1985, 191), что „процесс интернационализации большинства сфер жизни нашего общества сопровождается ростом национального самосознания“ (Бромлей

1987, 3) на основе экономического, социального и культурного прогресса советских наций.

Уплотнение непосредственных языковых контактов при интенсивности процессов межнационального общения в современный период функционирования русского языка стимулирует интенсивность проникновения лексических единиц в русский при реализации его в речи на уровне межнационального общения. Наблюдения над процессами проникновения лексических единиц из национальных языков в русский на уровне межнационального общения привели нас к выводу о наличии в каждом из контактирующих с русским языков определенного пласта своеобразной фактурной лексики, которая может функционировать в русском языке, оставаясь вне его системы, выступая в то же время в качестве языкового средства выражения национального колорита. Такую лексику мы называем диффузионной, а сам процесс ее проникновения в русский язык при интенсивности межнационального общения и уплотнении языковых контактов национальных языков с русским — лексической диффузией (по аналогии применения этого термина в физике). В книге Айбека „Великий путь“ (М., 1980) только на 60 с. обнаружено 150 диффузионных узбекских лексем: *бейты* ‘двустипсия’, *насвай* ‘жевательный табак’, *минман-хана* ‘мужская половина дома’, *сачпанук* ‘украшение из черных толстых шелковых нитей с серебряными бубенцами и бахромой на концах’ и т. п. В повести Ш. Бейшеналиева „Кычан“ (М., 1959) на 175 с. более 150 случаев употребления диффузионных киргизских слов: *Тулпар* ‘сказочный конь’, *молдо* ‘мулла, духовное лицо’, *сагадасы* (ласковое обращение к детям) и т. п. Явление диффузии можно наблюдать в любом русском тексте, ориентированном на изображение национальной или зарубежной специфики. Напр., в очерке В. Коротича (Огонек. 1987, № 35) около 30 диффузионных китайских лексем: *Гугун* ‘зимний дворец’, *му* ‘п. ~ 0,14 га’, *юань* ‘денежная единица’, *маотай* ‘напиток’ и т. д. В очерке А. Боровика „Встретимся у трех журавлей“ (Огонек. 1987, № 30) также наличествует большое количество диффузионных афганских лексем типа *Хвар* ‘река’, *моджахед* ‘проводник’ и т. п., а также диффузионных слов, которые освоены русским языком и квалифицируются как заимствованные — *кишлак*, *сура*, *чадра*, *мулла* и др.

Наличие в русской речи лексических единиц другого языка так или иначе объясняется языковыми контактами, прямыми (непосредственными) или косвенными (опосредованными). Но в том и другом случае проникновение лексических единиц из контактирующего языка осуществляется не само по себе, а посредством общающихся между собой людей, проходит через творческое сознание личности — двуязычного писателя, журналиста, переводчика (или просто человека, в какой-то мере знакомого со вторым языком).

Проникновение, разумеется, не означает закрепления новых лексем в контактирующем языке, в его лексической системе и словаре — общеупотребительном лексиконе. Для такого закрепления необходимы известные условия, реальная потребность номинации, ощущаемая общественной языковой практикой, наличие в лексико-семантической системе лакунной или высвободив-

шейся ячейки, готовой вместить новые значения, новое понятие, новую для заимствующего языка информацию.

Билингв не случайно прибегает к использованию в русской речи слов своего родного языка, он как бы заимствует из родного языка „те понятия или их оттенки, ту окраску, наконец, которые кажутся ему необходимы по какой-либо причине“ (Щерба 1974, 69). Скажем, при употреблении двуязычным узбеком в русской разговорной речи таких слов родного языка, как *шайтан*, *адыры*, *дастархан*, *Мамурджан*, *хон!*, языковая интуиция подсказывает ему, что они не совсем тождественны русским: *черт*, *холмы*, *скатерть* (*стол*), *Мамурдчик*, *ладно* (*хорошо*)! Сосуществующие в сознании билингва две понятийно-сигнификативные семасиологические системы двух языков в процессе лексической диффузии как бы уравниваются, выравниваются, и мысль находит адекватное словесное выражение. Обильная диффузия в спонтанной русской речи двуязычного населения может быть объяснена и языковым дефицитом, недостаточным объемом русского лексикона у лиц нерусской национальности, незнанием точного значения того или иного русского слова („которое вертится на языке“), обусловлена принципом экономии языковых средств.

В результате лексической диффузии в лексику русского языка на уровне межнационального общения проникает огромное количество так наз. регионально- и локальномаркированной лексики, большинство единиц которой остается неизвестным русскому общелитературному языку.

За последнее десятилетие в отечественном языкознании появились интересные труды, в которых делается попытка собрать по отдельным языковым регионам такую диффузионную лексику в своеобразные глоссарии, списки, словари (см.: Гальченко, 1975; Назаров, 1984).

Разумеется, регистрация диффузионной лексики, изучение вопросов ее функционирования, выявление коннотативной специфики — важное звено в исследовании проблем языковых контактов и процессов взаимовлияния и взаимообогащения языков народов СССР, литератур и культур. Диффузионная лексика заключает в себе информацию о национально-специфическом культурном наследии того или иного народа нашей многонациональной страны, помогает высветить ретроспективный взгляд на историю большого и малого народа и объективно оценить социалистическое переустройство его жизни.

У лингвистов нет пока достаточных оснований считать такие диффузионные слова, как, напр. *уста*, *дарья*, *мираб*, „*Мирани*“, *ляганы*, *косы* (*касы*) и множество других заимствованиями, ведь они не отвечают тем параметрам, признакам, которые ученые выдвигают в качестве лингвистического „мандата“ на признание их составной частью русского литературного лексикона (см.: Крысин 1968, 49; Денисов 1980, 108). Термин экзотизм применительно к такой лексике явно устарел, так как квалификация „экзотическая лексика“ использовалась в прошлом, когда реальная действительность нерусских народов, входивших в состав России (быт, традиции, культура), воспринималась из ее центра сквозь романтическую призму как нечто далекое и диковинное.

Большинство диффузионных лексем не заключают в себе потенции стать заимствованиями, хотя они и предлагают себя русской лексической системе; чтобы стать заимствованием, слово должно быть не только лингвистически адаптированным, но и ассимилировано психологически русским языковым сознанием. Этот факт подтверждается тем обстоятельством, что многие из диффузионных лексем, несмотря на некоторую адаптацию, скажем, графемно-фонологическую, не отвечают признаку регулярности грамматических значений (основному признаку категориальности) (см.: Супрун 1975, 10) и регулярности в лексике, проявляющейся как в лексико-семантической сфере, так и на семантико-парадигматическом уровне (Шмелев 1966, 10, 11). Диффузионные слова (полностью не освоенные русским языком) характеризуются парадигматической неопределенностью, зависимостью от контекста; с грамматической точки зрения, от таких слов-существительных, как правило, говорящие по-русски не образуют уменьшительные существительные, что является одним из признаков регулярности и т. п.

В русскоязычной художественной литературе национальных авторов, а также в русскоязычной публицистике, в других литературных жанрах (научно-популярный очерк, путевые заметки и т. п.), тематически специально ориентированных на описание жизни и быта того или иного этнографического региона страны, каждая единица лексического набора диффузионной лексики — как результат непосредственных языковых контактов (двухязычный автор) или опосредованно (переводчик) — не только служит языковым средством выражения национального колорита, но и как бы представляет интересы своего родного языка, т. е. знакомит советского читателя с теми национальными словами, которые наиболее отчетливо выражают „дух“ языка, подчеркивают его народную основу, иными словами, выполняют в русском языке металингвистическую функцию родного языка. Диффузионные лексические единицы обладают рядом специфических черт: употребленные в русском контексте, они требуют определенных способов семантизации — посредством авторских ремарок, толкований при помощи русских слов и т. п. (Ср.: *Каранаром, то есть черным нарком он прозывался неспроста.* — Ч. Айтматов. *Буранный полустанок*). Диффузионные лексемы, употребленные в русском тексте, входят в конкретные сочетаемостные отношения по признаку селективности с русскими словами, напр.: *зиданы* темные, *кошма* мягкая, *саукале* высокий, *джайлау* горный, *кене-чеке* черный и т. п., образуя устойчивые словосочетания (фиксируемые у различных двухязычных авторов, в различных произведениях). Диффузионная лексика характеризуется одним важным показателем — она транзитна: вкрапливаясь в русский литературный текст как необходимое, а порой и явно избыточное средство передачи национально-специфического, она не задерживается в активном словарном составе, в „центре“ русского общеупотребительного лексикона, а возвращается в контактную среду или непосредственно в „память“ родного языка (национальные лексические архаизмы).

Исследование проблемы лексической диффузии при контактировании русского языка с языками народов СССР весьма целесообразно и актуально, так как дает исследователю ключ к разрешению целого ряда проблем, существенных для теории русского языка как средства межнационального общения.

ЛИТЕРАТУРА

Бромлей Ю. Национальные процессы в СССР: достижения и проблемы // Правда. 1987. 13 февр.

Гальченко И. Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.

Интернациональное и национальное в социалистическом образе жизни советского народа. М., 1985.

Крысин Л. И. Иноязычные слова в русском языке. М., 1968.

Назаров О. Туркменские слова в русском языке. Ашхабад, 1984.

Супрун А. Е. Лексическая система и методы ее изучения // Методы изучения лексики. Минск, 1975.

Шмелев Д. Н. Лексико-семантические изменения в современном русском языке // РЯНШ, 1966. № 3.

Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.